

—О-пя-а-ать!!! — гневно выкрикнула Алена и запустила в стену кухни пакетом с батоном-нарезкой. — Паразитка!!! Ну, погоди, Зинка!!! Ты еще пожалеешь...

Последние слова разъяренная молодая женщина выкрикивала уже на лестничной площадке. Она резвокрылой птицей взлетела на верхний этаж и принялась названивать в квартиру, которая находилась прямехонько над ее собственной. Через пару минут дверь распахнулась, и перед Аленой оказался незнакомый мужчина в синих, чрезмерно блестящих трениках, что сразу и бесповоротно выдавало их рыночное происхождение, и в черной майке, тоже наверняка паленой.

— Где Зинка?!! — гаркнула Алена, не дожидаясь ответа, отодвинула Черную Майку в сторону, внеслась в квартиру и оторопело остановилась на пороге комнаты. Зинкина комната совершенно не походила на Зинкину

комнату. Если бы квартира Короедовой не находилась на последнем этаже, Алена даже решила бы, что, ослепленная гневом, нечаянно поднялась этажом выше.

Она обернулась к Черной Майке и совершенно неизвестно зачем все-таки спросила:

— Это... разве... не сто пятьдесят шестая квартира?

— Сто пятьдесят шестая... — растерянно заверил ее Черная Майка.

— Да?! — удивилась Алена, еще раз внимательно оглядела пустые секции незнакомой мебельной стенки, без всякой системы наваленные на полу объемные тюки с вещами и спросила, хотя уже понимала, что подлюга Зинка среди этих тюков обнаружена не будет. — А где Зинаида Михайловна? Ну... которая... Короедова...

— Зинаида Михайловна... она, знаете ли, переехала... Мы с ней обменялись квартирами...

— Обменялись квартирами, — повторила Алена. — Ага... Зинки, значит, нет...

— Нет! — Черная Майка очень обрадовалась, что незнакомка наконец все правильно поняла и немедленно же уберется туда, откуда так лихо принеслась.

Но Алена так просто сдаваться не собира-

лась. Что же это получается? Получается, что вместо Зинки теперь этот паразит в майке будет заливать ей кухню! Щас! Она будет ремонтировать, а они с Зинкой — заливать? Алена обрадовалась, что испарившаяся было злость накатила на нее новой волной, причем гораздо круче первой, и рывкнула громче прежнего:

— Если вы думаете, что сможете безнаказанно заливать мне кухню, то здорово ошибаетесь!!!

— Я не заливал! — Черная Майка даже приложил к груди руки, чтобы его слова звучали убедительнее, но убедить ворвавшуюся в его квартиру фурию было невозможно.

— А кто?! Зинка, сами говорите, переехала. Значит, вы! — И Алена выбросила в его сторону указательный палец правой руки, как красногвардеец с известного плаката «Ты записался добровольцем?».

Черная Майка тут же добровольно вызвался сходить на собственную кухню и проверить, не забыл ли он ненароком закрыть кран. Алена пошла за ним след в след.

Кран на кухне был закрыт, но на полу под раковиной поблескивала большая лужа.

— Ага!!! — радостно вскричала Алена. — Лужа!! А говорите, что не заливали!

Черная Майка, бросив на нее быстрый и

неприятный взгляд, присел на корточки и потрогал рукой черное изгибающееся колено водяного слива. Рука оказалась мокрой.

— Мокрая!!! — опять обрадовалась Алена.

Мужчина выпрямился, потирая в раздумье подбородок, а потом проронил в пространство:

— И ведь не сказала мне, что тут все гнилое...

Алена сатанински расхохоталась и настаивательно заметила:

— Так проверять надо было! Это ж Зинка! У нее ж и унитаз ни к черту!

— Что?! Тоже течет?!

— А то!!!

Черная Майка бросился в туалет. Алена решила переждать в кухне. Все-таки в туалете тесновато. Через положенное время она с большим удовлетворением услышала, как изысканно бранится ее новый сосед. Она прошла в коридор, потом решительно сунула голову в тесное помещение и сурово спросила:

— Ну что? Ремонт будете делать или как?!

— А, собственно, почему я должен делать ремонт?! — возмутился наконец Черная Майка. — Я же не знал, что тут все разваливается!

— А вы мужчина или кто?! — еще более возмущенно спросила Алена.

— В каком смысле?! — встрепенулся новый сосед.

— В том самом! Разве настоящий мужчина мог бы не глядя выменять себе текущий унитаз?!

— А... а это не ваше дело! У меня других забот был полон рот!

— Да все заботы в конце концов сами себя исчерпают, а унитаз будет нужен всегда! — философски изрекла Алена. Она сказала чистую правду, но Черной Майке эта правда почему-то очень сильно не понравилась, отчего у него весьма некрасиво побелел кончик носа.

— Слушайте! А не пошли бы вы... со своим унитазом! — крикнул он.

— Вот еще новости! — рассердилась Алена. — С моим! Да если бы унитаз был мой, я бы ни за что не допустила, чтобы он тек на соседей! А вы допускаете!

— Я не допускаю! Я тут всего второй день живу! Я не знал!

— Незнание не освобождает от обязанности отремонтировать мне кухню!

— Какого черта ее ремонтировать?! — Сосед так оглушительно рявкнул, что Алена едва не присела от неожиданности, но тут же взяла себя в руки.

— Такого! Я ее месяц назад покрасила са-

мой дорогой эмульсионкой в три слоя, а вы мне ее снова всю изгадили!

— Неужели вы не понимаете, что сначала надо менять сантехнику, трубы... а потом уж и ремонтировать!

— Так меняйте! — согласилась Алена.

— Нет...

— Как это... То есть... Вы хотите сказать... — задохнулась от возмущения Алена.

— Да нет же! Я не про то... И вообще! Прекратите орать! В ушах уже звенит...

Черная Майка вышел из туалета, тщательно прикрыл за собой дверь, прислонился к ней спиной и сказал:

— В общем, так! Денег на новую сантехнику у меня сейчас нет, но... — Он резким жестом остановил Алену, которая собиралась очередной раз возмутиться. — Но я постараюсь не причинять вам неудобств. Таз под раковину подставляю или... еще что-нибудь придумаю...

— А в туалете? Там никакой таз не может!

— Я же сказал: что-нибудь придумаю, но не сию же минуту!

— А я, значит, живи среди грязных потеков на потолке, пока вы думать будете, да? — взвилась она.

— Ну... потерпите, пожалуйста. — Черная Майка сменил тон на просящий. — Согласитесь, что действительно бессмысленно белить потолок, пока текущие трубы будут на своем месте.

Алене очень не хотелось с этим соглашаться, но пришлось. Против логики не попрешь. Какого черта белить, если эти паршивые трубы будут продолжать себе течь... И без того она уже здорово потратилась на эмульсионку в три слоя...

Вернувшись в свою квартиру, Алена с отвращением оглядела мокрый потолок над раковиной, потом подняла с пола батон, вытащила из целлофана горбушку и сунула себе в рот. Ну Зинка и стерва! Даже не сказала, что переезжает! Специально! Во-первых, чтобы не заморачиваться с Алениным туалетом. Кухню-то Алена сама себе побелила. Не ждать же эту змеищу! А вот туалет гражданка Короедова обещала покрасить: и потолок во встроенном шкафчике, где, собственно, и течет, и дверцы этого самого шкафчика. Вот тебе и покрасила! Во-вторых, буквально на прошлой неделе Зинка брала в долг двести рублей. Жди теперь — не дождешься! Вот ведь не хотела

Алена давать, как в воду глядела! В-третьих, теперь сверху будет жить жалкая Черная Майка. Что в этом хорошего?! С Зинкой хоть иногда можно было посидеть на кухне, покурить, поболтать о том о сем... словом, о женском... А с этим что? Здрасте — до свидания... Когда трубы поменяете... Когда-когда... Да никогда...

Примерно через месяц Алена перестала замечать грязные разводы на потолке. Привыкла, что они всегда на месте. Они перестали ее раздражать. Иногда она даже развлекалась тем, что придумывала, с чем еще можно сравнить эти пятна. Иногда ей казалось, что самое большое пятно напоминает осьминога с четырьмя глазами, иногда ей в нем виделся мужчина с бородой и усами. А еще, разглядывая свои пятна, Алена каждый раз добром вспоминала Зинку. Перебранка с ней была не только постоянной составляющей Алениной жизни, но и, как она теперь отчетливо понимала, довольно приятным времяпрепровождением. Вечная грызня с ней держала Алену в тонусе. Каждый раз, возвращаясь домой, она первым делом мчалась в кухню, бросала взгляд на потолок, и если на его поверхности

наблюдались хоть какие-то изменения, Алена бежала к Зинке и ругалась с ней, испытывая при этом чувство, близкое к настоящему сладострастию. С Черной Майкой даже спорить скучно. Давит своей логикой. А трубы, похоже, как и Зинка, менять не собирается.

В тот памятный день, возвращаясь с работы, Алена зашла в магазин за продуктами. Она лениво бродила между ломящимися от товаров прилавками и никак не могла выбрать. Черт! Ну... ничего не хочется... Глаза бы не смотрели... Она положила в корзинку дежурный батон-нарезку, пластиковый контейнер с зерненым творогом и банку растворимого кофе. Потом подумала немного и заменила творог варениками. Хоть какое-то горячее...

Выложив на тарелку горку вареников, Алена решила поужинать на балконе. Он был лучшим местом ее квартиры. Она им гордилась. Она выращивала там цветы. И не абы какие настурции или анютины глазки. Кому они интересны, когда на каждом балконе растут? Алена выписывала журнал «Дивный сад» и высаживала цветы в соответствии с модными тенденциями и советами опытных садоводов. Все соседи по дому завидовали красоте ее

балконного сада и регулярно просили то семена, то рассаду. Алена не жалела. Давала всем по первой же просьбе, но ни у кого цветы не росли лучше, чем у нее. Сейчас в стильных пластиковых ящиках по периметру балкона уже буйно цвели низкорослые летники разных сортов. Алена всегда без запинки произносила их названия: лобелия эринус, лобулярия морская, сутера сердцевидная и колокольчик Пожарского. Она умудрялась весной проращивать на подоконнике клубни роскошных георгинов, и они росли у нее на балконе почти все лето. Нынешний июнь оказался неожиданно жарким, и в нарядных ярких ведрах, расставленных по углам балкона, у Алены уже вовсю цвели сорта Bristol Stripe, White Perfection и даже Bumble Runble. Венчики Bristol Stripe с пестрыми бело-фиолетовыми лепестками были размером с суповые тарелки, а у White Perfection — походили на гигантские кремово-белые шары. Не все даже сразу догадывались, что это георгины. Особенно Алена гордилась сортом Bumble Runble, цветки которого были похожи на изящные розово-белые брошки с оранжево-желтой сердцевинкой. Если бы кто-то пришел к ней на первое свидание с букетом таких цветов, она непременно влюбилась бы в этого мужчину. Эх, к чему эти пустые мечты...

Алена запихнула в рот половину истекающего горячим творогом вареника, вышла в свой сад и охнула, обессиленно прислонившись к косяку дверей. Обильно насметанные вареники один за другим соскользнули с тарелки на ее новые шлепанцы. Но ей было не до вареников и не до шлепанцев. На центральном ящике ее сада, прямо на белых ромашках сутеры сердцевидной, отвратительно распластавшись, лежали мокрые черные джинсы. Одна штанина, вывернутая особенно гадко, пригнула к полу и несколько цветков Bristol Stripe. Один бело-фиолетовый венчик был сломан, два других еле виднелись из-под мокрой черной ткани. Вот тебе и свидание...

Бросив на пол ненужную в данной ситуации тарелку и не услышав ее прощального (перед тем, как расколоться на две неравные части) звона, Алена бросилась к георгинам, которые еще надеялась спасти. Ее правая нога наступила прямиком на один из упавших вареников, и молодая женщина, неловко завалившись на бок на собственном балконе, оборвала пышную головку White Perfection, непостижимым образом зацепив лепестки огромного пушистого шара браслетом от часов.

— Черт! Черт!! Черт!!! — протолкнула сквозь зубы она, потирая ушибленный локоть

и наливаясь нечеловеческой злобой, которая, похоже, будет получше непристойного сладострастия, с каким она бранивалась с Зинкой.

Продолжая чертыхаться и охать, Алена поднялась на ноги и двумя пальцами попыталась стащить с безвременно погибших цветов чужие джинсы. Почти не выжатые, они оказались очень тяжелыми, и Алене, которая при этом брезгливо скривилась, пришлось убирать их из ящика двумя руками. Ей на ноги и на оставшуюся в живых сутеру сердцевидную полилась теплая, черная и, похоже, еще и мыльная вода.

— Ну... почему-у-у... именно на мои цветы... — простонала она, меряя шагами балкон и не соображая, куда ей деть джинсы. Не нести же их этому... в черной майке... этому паразиту... этому... негодяю... этому мерзавцу...

— Простите... я, кажется... уронил вниз... то есть к вам, свои джинсы... — раздался сверху извиняющийся голос «этого мерзавца».

Алена изо всех сил вывернула шею, чтобы лучше видеть соседа, которого она с большим удовольствием придушила бы его же мокрыми джинсами.

— И вовсе не «кажется»!!! — злобно перерезала его она. — Вы своими гнусными

штанами погубили мои лучшие... сортовые цветы!!!

— Простите! Я не нарочно! Я, знаете ли, выстирал джинсы, хотел повесить на веревку, а тут телефон зазвонил... Я их положил на перила... ну... временно... а они упали... извините...

— Да какой мне прок от ваших извинений! — возмутилась Алена. — Цветам-то что от вашего идиотского «извините»?!

— Ну... я не знаю... Вы напишите мне названия цветов... которые... ну... погибли... я куплю вам точно такие же...

— Ага! Купите, как же! Держите карман шире! Мне по почте клубни прислали! Великие цветоводы, между прочим! Про них даже в журнале печатают! «Дивный сад» называется! А он, видите ли, купит! Да кто вам продаст!!!

— Ну... я тогда могу заплатить... — предложил сосед сверху. — А вы новые купите...

— Да пошли вы!!! — окончательно разъярилась Алена. Разве этот кретин в состоянии понять, что новые георгины таких сортов в это лето уже не вырастишь! Да и вообще, теперь весь тщательно продуманный балконный дизайн надо менять. А уже, между прочим, середина июня. Не весна, поди.

Скатав джинсы в гадкий, текущий ком,

Алена попыталась забросить его на верхний балкон, как мяч в баскетбольную корзину. Тяжелый мяч из мокрых штанов не долетел до корзины, то есть до соседского балкона. Джинсы, несколько распрямившись и даже приветственно взмахнув штаниной, тяжело упали вниз, угодив точно в открытый люк, возле которого сутились здорово упревшие на неожиданно жарком июньском солнце, а потому отчаянно злые работяги.

— Э-э-э-э!!! Какого хрена! — моментально раздалось снизу, после чего прозвучало еще несколько ярких, непереводимых на другие языки выражений.

— Вы это сделали специально?! — прокричал Алене сосед сверху. — В отместку! Назло! Надо же понимать разницу: где какие-то цветы, которые запросто заново вырастут, а где дорогие джинсы! Почти новые...

Алене, которая вовсе не метила специально в люк, а просто промахнулась, очень не понравилось выражение «какие-то цветы», и она выпалила:

— Да!!! Специально!!! В отместку!!! В назидание, так сказать!!! А то дай вам волю, так вы постоянно будете закидывать меня мокрыми штанами точно так же, как... как заливаete кухню!!!

— Я не заливаю! У меня под раковиной таз стоит!

— Да плевала я на ваш таз!!!

— Ну-у-у... знаете ли... — задохнулся от возмущения сосед, — а мне тогда... начи- хать десять раз на ваши цветы!!! — После это- го выплеска эмоций он с риском для жизни свесился со своего балкона и крикнул вниз работягам: — Э-эй! Мужики! А достать-то можно?!

— Ага! Щас! Прямо так и полезли! — очень вежливо ответили ему снизу. — Они станут бросать всякую дрянь, а мы доставай!

— Ребята! Ну пожалуйста!!! За мной дело не станет!!! Там не дрянь! В люк упали мои лучшие джинсы! Парадные... так сказать...

Работяги дружно заржали:

— Ну, паря, теперь тебе в них только на парад!

— Ага! А на работу ни-ни!

— На карнавал еще тоже будет можно!
В Рио-де-Жанейро!

Работяги еще долго упражнялись в остро- умии. Алена слушать их не стала. Она даже не стала разглядывать, насколько сильно постра- дали цветы, и не убрала с балкона давленные вареники. Она прошла в комнату, уселась на диван, скрестив руки на груди и оперев бес-

смысленный взгляд в противоположную стену. Ну за что ей достался такой сосед?! За какие грехи?! Зинка тоже была не подарок, но она никогда не швыряла вниз свои вещи. Она, наоборот, всегда восхищалась Лениными цветами и даже «угощала» своих гостей видом на нижний балкон. Алена почувствовала, что испытывает к съехавшей Зинке чувство сродни ностальгии. А к этому... к этому...

Алена не успела подобрать для соседа сверху какое-нибудь особо мерзостное определение, потому что ей пришлось вздрогнуть от резкого звонка в дверь. От неожиданности она излишне резко вскочила, неприятно потянув ногу, потом с силой выдохнула и похромала открывать дверь. Если бы Алена хоть немного подумала, то догадалась бы, кого за ней увидит, и открывать не стала бы. Но она не подумала, а потому ей пришлось выслушивать вопли соседа, который уже опять успел нарядиться в печально известную черную майку и глупо блестящие треники.

— Вот посмотрите, на что теперь похожи мои лучшие джинсы! — И Черная Майка ткнул ей в нос зловонным грязным комом. — По вашей, между прочим, милости!

— Еще чего!!! — сразу подхватила Алена в том же истеричном тоне. — Нечего бросать

свои гнусные портки на чужие балконы и мять цветы, которые не сажали!!!

— А вам нечего бросать в сточные люки то, за что денег не платили!

— Ах, вы, значит, за деньгами пришли?!! — взывала Алена.

— Да провалитесь вы вместе со своими паршивыми деньгами и не менее паршивыми цветами! — ответил сосед и с силой захлопнул дверь ее квартиры.

Алена, прямо перед глазами которой неожиданно оказалась бежевая дерматиновая обивка, уперлась в нее лбом и самым жалким образом разрыдалась.

— Хочешь, я набью твоему соседу морду? — предложил, выглянув из-за своего компьютера, Стасик Любимов, сотрудник Алены, с которым она уже около двух лет сидела ноздря в ноздрю в патентном бюро.

— А смысл? — спросила она.

— А я бессмысленно. Приду, позвоню в дверь. Он откроет, я дам ему в рыло и уйду. Пусть догадывается, за что.

— Ну уж нет. Он должен знать, за что, чтобы больше nepовaдно было.

— Могу, конечно, и сказать...

— А что ты скажешь? — обрадовалась Алена и даже хотела записать для него на бумажке от перекидного календаря сортовые названия погубленных цветов.

— Ну... — сразу поскуchnел Стасик. — Лучше все-таки ничего не говорить, а то он свое понесет... А там... слово за слово... Можно такое побоище устроить...

— Сдрейфил уже, да? — усмехнулась Алена.

— А он вообще как... ну... в смысле... мышцы? — совершенно не обиделся Стасик. — Качок?

— Да какой там качок... — Алена вспомнила, что когда говорила с соседом, то его глаза всегда находились почти на уровне ее собственных глаз. — Так... мелкий... Недомерок какой-то... Мозгляк, в общем...

— Недомерка мы, конечно, запросто уронем, но, сестрица Аленушка... — Любимов подъехал вплотную к сотруднице на своем стуле с колесиками, — хотелось бы знать, какова будет... плата за услугу?

— Чего-чего?! — сморщилась она.

— Нынче, милая моя, всюду сплошной бартер... ты же в курсе... Я... — он выразительно ткнул себя в грудь кулаком, — пересчитываю зубы твоего недомерка, а ты... В общем, я

не прочь бы кое-что повторить... Как ты на это смотришь?

— А ну пошел вон! — Алена изо всех сил отпихнула от себя стул Стасика, и он отъехал на нем к собственному компьютеру.

— Сильна ты, мать, однако... А потому, пожалуй, сама сможешь придушить своего соседа одной левой, — проговорил Стасик и с обиженным лицом уткнулся в компьютер.

Алена, сжав зубы, тоже уставилась на экран монитора. Изображение расплывалось. Ей хотелось плакать, потому что было очень жаль цветы, а заодно и себя. Какой-то поганенький недомерок будет ломать ей налаженную жизнь, а какой-то Стасик Любимов будет тут изображать из себя рокового мужчину! Придурок! Ну, было между ними один раз... кое-что... после юбилея начальника отдела... Так это ж понимать надо, почему! В ресторане все сотрудники были с мужьями и женами. Даже Анна Тимофеевна Посконкина, вдова предпенсионного возраста, притащила с собой какого-то мухортенького мужичка, и только они со Стасиком сидели рядом как два неприкаянных дурака. И, главное, ведь целый ресторан разнообразных мужчин, и никто... никто(!) ни разу не догадался пригласить на танец Алену. Женщины патентного отдела

своих мужей держали цепко. Посконкина не выпускала из рук лацканы пиджака своего мужичишки, и Алене пришлось целый вечер танцевать со Стасиком, прижиматься к нему и усиленно делать вид, что у нее тоже все хорошо, а Любимов нравится ей до умопомрачения. Стасик сдуру и спьяну тоже так подумал, увязался ее провожать... ну... и она позволила ему кое-что и даже больше... потому что не железная ведь... Он потом целый месяц к ней вязался с «продолжением банкета», но Алена больше ни разу не дрогнула, и Любимов в конце концов вынужден был отвалить.

Текст на экране продолжал дрожать, и Алена решила устроить себе технический перерыв, то есть, попросту говоря, банальный перекур. Она вытащила из сумки сигареты и с независимым видом прошла мимо Стасика. Тот даже не повернул в ее сторону «головы кочан». Ну и подумаешь! Кому он нужен, его белобрысый кочан! Любимову скоро, наверно, все сорок, а ни жены, ни любовницы. Один хомяк дома. И тот скоро помрет, потому что старый уже. Конечно, Посконкина последнее время бросает на Стасика жаркие взгляды, но вряд ли всерьез. Все-таки у них серьезная разница в возрасте, которая совершенно не в пользу Анны Тимофеевны.

В курилку надо было идти мимо зеркала, у которого Алена решила задержаться и еще раз внимательно себя разглядеть. Да-а-а, все-таки она чересчур тоща даже в свете новомодных представлений о женской красоте. Грудь, к великому сожалению, почти совсем нет. Зимой она, конечно, носит объемные джемпера, чтобы данный дефект ее фигуры не слишком бросался в глаза, но сейчас, летом... Она специально купила эту голубую футболку с выпуклой вышивкой на груди, но и в ней выглядит слишком плоско и малоаппетитно. Бедр у нее тоже излишне узкие, да и вся она, коротко стриженная Алена Блашкова, больше похожа на молодого человека, чем на тридцатичетырехлетнюю женщину. Может, все-таки отрастить волосы? С длинными волосами она будет выглядеть наверняка более женственно... Хотя... нынче и молодые люди запросто ходят длинноволосыми, с хвостами и косичками. Так что это не выход из положения. А где же тогда выход? А нигде! Похоже, что на нее никто никогда так и не позарится... кроме... Любимова... Может быть, все-таки дать ему зеленый свет? Ну и пусть у него уже залысины... Небольшие же... А лицо ничего, нормальное... И когда он ее после ресторана обнимал, противно ей не было...

Алена бросила последний взгляд на свою неказистую фигуру и зашла в курилку. В маленькой комнатке уже дымили два сотрудника из соседних отделов. Ни один даже не предложил Алене огня, и ни один не поднялся со стула. Она для них не женщина. Она никто. Безгрудый средний род. Курить среди чужих сотрудников ей как-то сразу расхотелось. Алена с силой захлопнула дверь курилки и вернулась в свой отдел. Остановившись у компьютера Любимова, она сказала ему в спину:

— Я согласна.

— На что? — не оборачиваясь, процедил сквозь зубы он.

— На бартер.

— Когда?

— Сегодня в 20.00. Подходит?

— Вполне.

Алена кивнула любимовской спине и принялась за работу.

С верхнего балкона на Аленин тонкой струйкой лилась отвратительная жидкость, по запаху напоминающая растворитель. Впрочем, не только по запаху. Эта гадкая жидкость натуральным образом растворяла яркие брошки *Bumble Runble*, а с них стекала уже на неж-

ные венчики голубой лобелии эринус. Прямо на глазах своей хозяйки они съеживались и чернели. Алена взвыла, потрясая кулаками вверх:

— Ур-р-род!!! Подлец!! Негодяй!!

Тоже с риском для жизни перевесившись через перила, она вывернула голову вверх и зычно проревела:

— Эй, вы!!! Как вас там!!! Что вы делаете, мерзавец эдакий!!!

«Эдакий мерзавец» не отозвался. Алена, кусая губы, чтобы опять не разрыдаться в голос, помчалась к нему на этаж. Но сколько бы она ни давила на кнопку звонка, дверь никто так и не открыл. Видимо, сосед еще не пришел с работы. Алена стукнула напоследок кулаком по кнопке звонка так, что та застряла в своем гнезде. И спустилась к себе. Ну ничего... Погоди, любитель растворителей! Вот Стасик придет, он уж врежет тебе в самое рыло! Прямо между наглых бесстыжих глаз! Да-а-а... Врежет! Мало не покажется!!! Стасик... он крепкий... Он может... Он все зубы пересчитает, как обещал... Стасик, он... Черт!!! Его же надо будет покормить... Пора браться за курицу... И вообще, про свои несчастные цветы и этого... недомерка... лучше на время забыть. У нее сегодня свидание... да... Прежде

чем отправлять Любимова разбираться с соседом, они с ним должны заняться любовью... С Любимовым любовью... Тавтология, черт возьми... А и не будет никакой любви и, соответственно, никакой тавтологии! Она его не любит... Безусловно, не любит... Значит, они займутся сексом, что, в общем-то, тоже неплохо. Надо только себя раскочегарить, но... Это потом... Сначала курица и салат из кальмаров!

Когда всю квартиру уже заполнил одуряющий аромат курицы с особыми специями, распарившаяся у плиты Алена юркнула в душ. Она будет благоухать гелем с ночной фиалкой. Конечно, неизвестно, будет ли чем-нибудь благоухать Любимов... Но... если что... можно и ему предложить фиалку. Ничего страшного, что гель женский. Зато не произойдет смешения ароматов... А как быть с бельем? Надевать или нет? С одной стороны, мужчинам, кажется, нравится раздевать женщин, с другой стороны, это так чувственно, когда под тонким халатиком нет белья... Пожалуй, лучше без белья... Конечно, без белья... Вот она только подумала об этом, и ей уже хочется, чтобы рука Любимова поскорее пробежалась по ткани халата, и он догадался бы, что под ним ничего

СОДЕРЖАНИЕ

ЦВЕТЫ ДЛЯ ПЕРВОГО СВИДАНИЯ.	5
МИЛОЕ КОВАРСТВО	161